

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.9>

Фарафонова Оксана Анатольевна

"Должность" vs "словесность" в мемуарных текстах Г. Р. Державина

Статья написана в русле фундаментальной литературоведческой проблематики - исследуется соотношение биографии и творчества писателя. Цель исследования - анализ автобиографических текстов Г. Р. Державина с точки зрения места и роли оппозиции "должность - словесность" в самоопределении одного из ключевых поэтов восемнадцатого столетия. Научная новизна работы состоит в исследовании мемуарных "Записок" и "Объяснений на сочинения Державина" с точки зрения процесса поэтической и биографической авторефлексии и ее роли в самоидентификации поэта. Полученные результаты исследования показали, что обнаруживающиеся в обоих произведениях точки пересечения демонстрируют принципиальную неразделимость и непротивопоставленность в литературном и гражданском самоопределении поэта служебного и творческого контекстов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 53-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.9>

Дата поступления рукописи: 12.07.2020

Статья написана в русле фундаментальной литературоведческой проблематики – исследуется соотношение биографии и творчества писателя. Цель исследования – анализ автобиографических текстов Г. Р. Державина с точки зрения места и роли оппозиции «должность – словесность» в самоопределении одного из ключевых поэтов восемнадцатого столетия. Научная новизна работы состоит в исследовании мемуарных «Записок» и «Объяснений на сочинения Державина» с точки зрения процесса поэтической и биографической авторефлексии и ее роли в самоидентификации поэта. Полученные результаты исследования показали, что обнаруживающиеся в обоих произведениях точки пересечения демонстрируют принципиальную неразделимость и непротивопоставленность в литературном и гражданском самоопределении поэта служебного и творческого контекстов.

Ключевые слова и фразы: Державин; автобиография; мемуары; оппозиция «должность – словесность».

Фарафонова Оксана Анатольевна, к. филол. н.
Новосибирский государственный педагогический университет
oxana.faroks@yandex.ru

«Должность» vs «словесность» в мемуарных текстах Г. Р. Державина

Проблема соотношения творчества и службы возникает в России в XVIII веке, когда, по мнению А. И. Рейтблата, литература превращается в «социальный институт, то есть сложное устройство, которое обеспечивает создание, тиражирование, распространение и восприятие литературных текстов и предполагает существование писателей, издателей, книгопродавцев, библиотекарей, журналистов, критиков и читателей» [12, с. 9]. Но в русском обществе еще довольно долго «поэт определялся в первую очередь... как чиновник, офицер или придворный» [6, с. 515]. Такой подход, как отмечает И. Клейн, «заметен даже у Карамзина», который в «Пантеоне российских авторов» определяет социальный статус писателей «в первую очередь, не литературным значением, а чином» [Там же, с. 516]. С этой особенностью литературной культуры конца XVIII – начала XIX века теснейшим образом связан вопрос о самоидентификации и психологии творчества литератора, находящегося на государственной службе. Это направление исследований может быть названо одним из фундаментальных в современном литературоведении. О непреходящем интересе к проблеме профессионального самоопределения русских литераторов говорит тематика международных научных конференций и тот факт, что российские и зарубежные ученые продолжают обращаться к теме «чины и музы» в самых разнообразных ее аспектах [14; 15].

Актуальность темы исследования в настоящей статье определяется самим феноменом поэзии Г. Р. Державина, ставшего, по справедливому замечанию И. Клейна, «тем поэтом, который ввел автобиографический принцип в русскую поэзию» [5, с. 227]. Полноценное изучение и понимание поэтического творчества Державина невозможно вне контекста его служебной деятельности и частной жизни. Произведения Державина могли стать как причиной его возвышения (вспомним самый яркий пример – оду «Фелица»), так и возможного недовольства властью предрежащих (как в случае с одой «Властителям и судиям»). Сам поэт при написании многих своих произведений «преследовал вполне определенные карьерные цели» [8, с. 203], но это обстоятельство не умаляет никоим образом их поэтической ценности.

Ключ к пониманию того, каким же образом сосуществовали в Державине поэт и чиновник, «должность» и «словесность», обнаруживается в его мемуарных текстах. Именно этот аспект – соотношение «должности» (государственной службы и статуса чиновника) и «словесности» (поэтического творчества и самоопределения поэта) в образе «поэта-самохвала» [6] – стал ключевым в нашем исследовании. **Теоретическую базу** в данном случае составили труды И. Ю. Фоменко [16], Н. Ю. Алексеевой [1], И. Клейна [5; 6], В. Ю. Проскуриной [11] и других ученых, которые предлагали различные подходы к решению вопроса о соотношении Державина-поэта и Державина-сановника. В процессе работы были использованы сравнительный и герменевтический **методы исследования**.

В **задачи** исследования автобиографических текстов Державина, представленного в настоящей статье, входят, во-первых, анализ «Объяснений на сочинения» Державина в сопоставлении с его мемуарными «Записками»; во-вторых, выявление объекта авторефлексии в указанных произведениях; в-третьих, определение функции мемуарного контекста в «Объяснениях»; наконец, обозначение функции «политического» («должность») и «поэтического» («словесность») в самоопределении поэта.

Практическая значимость настоящей статьи состоит в возможности использования представленных в ней результатов для системного изучения поэтики Державина.

Заявивший о себе в русской культуре в начале XVIII в. и становящийся все более актуальным на протяжении всего столетия мемуарный жанр, а также возникшая потребность сопровождать свои произведения комментариями и объяснениями – все это, по выражению И. З. Сермана, «опознавательные знаки для литературы XVIII века в целом» [13, с. 18]. Именно в этом контексте знаковых явлений следует рассматривать автобиографические

«Записки» и «Объяснения на сочинения» Г. Р. Державина. Эпическая дистанционность, которую демонстрирует автор, говоря о себе в третьем лице [7, с. 47], позволяет ему описать и осмыслить факты собственной жизни и творчества в широком контексте эпохи. Учитывая, что Державин был и профессиональным литератором, и чиновником на государственной службе, в его мемуарных произведениях не могла не отразиться важная примета времени – оппозиция «должности» и «словесности».

Как отмечала И. Ю. Фоменко, «вопрос об отношении к поэзии и службе стоял перед каждым русским писателем XVIII – начала XIX в.» [16, с. 146]. В контексте заданной Петром I государственной парадигмы абсолютным приоритетом жизни дворянина была служба. Это повлекло за собой и изменения в положении писателя, когда, по словам А. М. Панченко, фигура «ученого монаха» сменилась «фигурой чиновника» [10, с. 238]. Служба государственная приравнивалась к служению, «упражнения» же «в сочинительстве», литературный труд воспринимался в таком контексте как занятие в «праздное», то есть «свободное от службы время, менее важное, чем служба» [16, с. 148]. Державин намеренно разделяет на два самостоятельных текста рассказ о перипетиях своей служебной жизни и о жизни творческой. Поступая совершенно в духе своей эпохи, он описывает обе важные составляющие своей жизни отдельно друг от друга. Именно в «Записках» Державина более, чем в «Объяснениях», фиксируется, что он «марал стихи» в свободное от «должности» время, хотя «не оставляя упражняться, если только время позволяло, и в стихотворстве» [3, с. 46]. Интересны в данном контексте воспоминания Державина о его отношениях с начальником князем Вяземским, который представляется в «Записках» и в «Объяснениях» «гонителем» поэта, а причина этих гонений – ода «Фелица». Ответ Державина на вопрос Екатерины II «Для чего не ужился с Вяземским?» весьма показателен: «Государыня! Вам известно, что я написал оду Фелице. Его сиятельству она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать, придираясь ко всякой безделице; то я ничего другого и не сделал, как просил об увольнении от службы и по милости Вашей отставлен» [Там же, с. 126-127]. Отметим в скобках, что Вяземский во всей этой истории хоть и представлен Державиным как «завистник», «в сердце» которого «закралась ненависть и злоба так, что равнодушно с новопрославленным стихотворцем говорить не мог: привязываясь во всяком случае к нему» [Там же, с. 88], демонстрирует поведение, вполне характерное для влиятельного чиновника своего времени. Вяземский, как отмечает сам Державин, «сильный вельможа, могущий раздавать статские места» [Там же, с. 75], первоначально приблизив к себе Державина, взяв его на службу, дав ему должность, которая «хотя была тогда уже не весьма важная, но довольно видная» [Там же, с. 76], воспринял публикацию оды «Фелица» и посредством ее заочное представление автора императрице как нарушение субординации. Рассматривая «Записки» и «Объяснения» как самостоятельные тексты, находящиеся тем не менее друг с другом в отношениях «дополнительности» (что было отмечено еще Я. Гротом [2]), отметим, что ситуация с князем Вяземским является только одной из точек пересечения двух аспектов автобиографии Державина – служебного и творческого – демонстрируя неразрывность и неотделимость одного от другого. Хотя, как отмечалось в свое время исследователями, «Державин даже и не пытался изобразить службу и творчество в их связи» [16, с. 160]. Однако точки пересечения двух интересующих нас автобиографических текстов обнаруживаются постоянно. Так, в «Записках» сообщается, что, относясь к Державину вполне благоклонно сначала, Вяземский именно после «огласившейся» оды Фелице и эпизода с посылкой «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину» стал не «только насмехаться» над автором, «но и почти ругал» его, «проповедуя, что стихотворцы неспособны ни к какому делу» [3, с. 88]. В законченных несколькими годами ранее «Объяснениях» сообщается в примечаниях к оде «Фелица»: «Между тем княгиня Дашкова уведомила его, что то сочинение поднесла она императрице: через несколько дней (после описанного и в «Записках», и в «Объяснениях» эпизода с табакеркой. – О. Ф.) приказано было сочинителя представить государыне, и с тех пор стал он ей как сочинитель известен, и поднялось на него гонение от вельмож или, лучше сказать, от одного Вяземского, которому чрезвычайно досадно стало, для чего он без его покровительства стал известен императрице, ибо ничем его раздражить столько было не можно, как если кто без его предводительства был замечен и познаем государыней» [4, с. 255].

И. Ю. Фоменко справедливо отмечает: «То, как Державин расставлял акценты, описывая такие важные для него события, как конфликт с А. А. Вяземским... зависело каждый раз от задач текста, в который входило это описание» [16, с. 144]. В «Записках», цель которых, как известно, состояла в описании службы и «честного исполнения своих должностей», главной причиной «гонений» от князя Вяземского названа неспособность «стихотворцев» «ни к какому делу», то есть к государственной службе. Несогласия служебные, которые описаны Державиным в контексте «правильного/честного» и «неправильного/бесчестного» отношения к службе («нельзя ему ужиться там, где не любят правды»), не могут рассматриваться, таким образом, в отрыве от уже отмеченной нами оппозиции «служба – творчество» и строгой иерархичности служебных, а как следствие, и общественных/светских отношений. «Неспособность стихотворцев ни к какому» делу не смущала Вяземского, когда, будучи принят в доме и став «некоторого рода любимцем сего всеми тогда уважаемого дома», Державин «для княгини писал стихи похвальные в честь ее супруга» [3, с. 76]. Не смущала, прежде всего, потому, что «упражнения в сочинительстве» воспринимались как «забава в праздные часы» наряду с игрою в карты и чтением Державиным Вяземскому книг, «большую частью романов, за которыми нередко и чтец и слушатель дремали» [Там же]. Одно дело – стихи для домашнего употребления и увеселения, совсем иное – стихотворство публичное. Указание на «огласившуюся» оду Фелице в «Записках» [Там же, с. 87], подробно изложенные в «Объяснениях» обстоятельства этого «оглашения» и последствия всего этого для Державина, описанные им в обоих произведениях, дополняют друг друга, образуя единый контекст, важный для понимания того, как и каким поэт видел себя и свое место в мире.

Служба – исполнение долга – подчинена разуму, творчество же подчинено сердцу. Поэзия не может быть движима только велением рассудка или повелениями начальства. Писать «на заказ» такие тексты, в которых «слышны слова, а не мысли и чувства», для Державина невозможно, такие тексты получаются «холодными». А, как отмечает Н. Ю. Алексеева, «для него прежде всего важно наполнение слова чувством и мыслью» [1, с. 312]. Екатерина II ждала от Державина новых од, подобных «Фелице» [8, с. 217], но, отягощенный должностью ее статс-секретаря, он не мог писать «стихов Фелице» таких, какими он их видел – «трогающими сердце». И хотя, как совершенно справедливо указала И. Ю. Фоменко, «у Державина можно найти... ряд высказываний, свидетельствующих, что он был склонен считать свою служебную деятельность важнее творческой» [16, с. 150-151], но служебная занятость предстает в «Записках» (в меньшей степени) и в «Объяснениях» скорее как помеха творчеству. И служебные дела, и поэтические, если заниматься ими не формально (а это Державин также постоянно подчеркивает в автобиографиях как одно из свойств своей натуры), требуют немало времени. Будучи занят делами служебными, Державин не имеет времени «переключиться» в иной регистр: «Как возложены были на автора дела правосудия, то он, несмотря на совет Храповицкого и даже на неоднократные повеления или, лучше сказать, просьбы императрицы, отправлял прилежно свою должность, *всегда редко занимаясь поэзией*» [3, с. 90]. Комментируя оду «Меркурию», он пишет в «Объяснениях»: «Бог златой, то есть Меркурий, бог богатства, под которым разумеется императрица, чтоб не отягощала его много сей должностию и *давала ему время упражняться в словесности*» [4, с. 256]. Именно время выступает своего рода разделителем между «должностью» и «словесностью». Объясняя строки третьей строфы указанной оды «Позволь, как грянет гром, домой // Пришедшему обнять мне музу», Державин пишет: «При императрице открывалась и закрывалась таможня по пушечному выстрелу, когда били утреннюю и вечернюю зорю: *то чтоб сие время он мог быть свободен в своих упражнениях*» [Там же, с. 256-257]. Интересна в данном случае именно четкость границы, проводимой Державиным между должностью и словесностью. Гром пушки становится своего рода знаком перехода этой границы, от одного «упражнения» к другому.

Свобода от служебных дел необходима для стихотворства, но, сетуя на недостаток времени для поэзии, Державин тем не менее и в «Записках», и в «Объяснениях» много раз повторяет, что творчество его службе не помеха, словно оправдывая себя как чиновника. «Объяснения» в большей степени, нежели «Записки», демонстрируют неразрывность внутреннего самоощущения Державина, где служебное и творческое, постоянно соперничая, дополняют друг друга. Комментируя собственные произведения, Державин в «Объяснениях» активно привлекает автобиографический, часто именно служебный, контекст. Воспоминания о службе в должности губернатора или при дворе и в сенате становятся не просто пояснением к тому или иному произведению, но включаются автором, рефлексировавшим свое творчество, в сферу эстетического. Подобное органичное совмещение документально-прозаического и образно-поэтического планов не разрушает эстетическое целое, но, напротив, демонстрирует недискретность державинского мировидения. В данном случае «срабатывает» тот же художественный принцип, что и в оде «Фелица» и других текстах Державина, – сопряжение разных (зачастую диаметрально противоположных) жанровых установок, контраст которых не создает противоречия, но, напротив, декларирует единство мира.

Неразрывностью плана фактического (воспоминаний о событиях дворцовой службы) и плана эстетического обусловлено движение авторской мысли от поэтического текста к факту, послужившему поводом к его созданию, к подробному изложению самого события, его причин и следствий. В качестве характерного примера следует привести комментарий Державина к стихотворению «Горелки», где он описывает игру в горелки с придворными, которая закончилась для автора плачевно. Этот развернутый комментарий-воспоминание, объясняя причины, побудившие Державина написать стихотворение, то есть имея направление от текста к факту, фиксирует и обратное движение – от предшествовавшего факта к поэтическому его осмыслению и описанию. Служебная реальность дает Державину обширное поле для создания реальности поэтической (образы, ситуации, переживания и т.п.). Воспоминания о фактах служебной биографии, будучи использованы как комментарий к собственным сочинениям, становятся, таким образом, неотъемлемой частью этой реальности. Причем в «Объяснениях» можно отметить и еще одну функцию воспоминаний о службе: подтверждение достоверности описываемых в поэтическом произведении фактов. Прозаическое автометаописание должно было подчеркнуть достоверность поэтического изображения, декларировать доминирование факта над вымыслом, отсутствие искажений при перенесении действительности в художественную плоскость [9, с. 13]. Это объясняется в некоторой степени представлениями XVIII века о стихе и прозе. Проза заведомо воспринималась как достоверная запись события.

Автокомментарий Державина для него самого является декларацией объективности и непредвзятости в изображении того или иного события/человека. Приверженность «истине» во всем – отличительная черта личности Державина. Этим своим качеством – поэта, человека и чиновника – Державин гордится, постоянно отмечая свою любовь к правде в любой ситуации. Известное стихотворение со знаковым названием «Признание» содержит главную для Державина «формулу» взаимодействия с миром – неумение «притворяться».

Произведения Державина «непритворны», это становится его поэтическим кредо. «Записки» должны были убедительно доказать честность автора как лица государственного, а «Объяснения» – подтвердить его честность как художника. Державин постоянно обращает внимание на то, что знает, о чем пишет, не понаслышке – «сам видел», сам был свидетелем. Приведем только несколько примеров. В авторском комментарии к «Вельможе» читаем по поводу выражения «он только хлопает ушами»: «Автор, *присутствуя тогда* в Сенате, *видел* многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам, хлопали только ушами» [4, с. 257].

Объясняя поэтические реалии оды «Водопад» – «стук слышен млатов по ветрам» – Державин пишет, что «будучи губернатором в сей губернии, видел сей водопад, нарочно его обозревая» [Там же, с. 258].

Сам факт того, что в качестве пояснения к поэтическому тексту Державин зачастую обращается именно к этому «служебному» контексту, представляется нам весьма показательным. Как мы уже отметили, служба для дворянина восемнадцатого столетия – индикатор правильности его жизни; честное исполнение своих должностей декларируется (литературой классицизма, прежде всего) как добродетель. Нам представляется также уместным сказать, что служба (особенно после петровской «Табели о рангах»), прикрепленность дворянина к должности являлась и своего рода знаком достоверности его существования. Жизнь служебная может тяготить, но жизнь вне служебной иерархии совершенно непонятна. Примеры Н. И. Новикова, Н. А. Львова и др. чрезвычайно показательны. Не случайно Державин, комментируя свое послание «К Н. А. Львову», затрудняется в определении общественного статуса своего друга.

Ю. Н. Чумаков, характеризуя стремление авторов XVIII века сопровождать свои произведения развернутыми комментариями, писал: «Литература XVIII в. вообще тяготела к логическим способам объяснения мира, и чрезвычайно разросшиеся примечания порой ощущаются как едва ли не сознательное отклонение от образной специфики искусства» [17, с. 40]. Согласившись абсолютно с мнением ученого, укажем только, что «Объяснения» Державина к собственным сочинениям занимают особое место хотя бы уже потому, что существует серьезная временная дистанция между текстом и его автометаописанием. Особенность «Объяснений» Державина заключается еще и в том, что, вспоминая о том, что двигало им при написании того или иного произведения, он словно бы заново переживает описываемые обстоятельства. Свидетельством этого может служить то, что пояснения зачастую даже интонационно и эмоционально совпадают с комментируемыми произведениями. Как, например, авторские комментарии Державина к оде «На приобретение Крыма», где одическая интонация произведения дублируется интонацией авторского метатекста.

«Объяснения», дополненные автобиографическими «Записками», значительно расширяют контекст восприятия и истолкования поэтического текста за счет активного привлечения фактологического материала. Подобное увлечение конкретикой, достоверностью факта могло бы быть расценено как упрощение, сужение смыслов поэтического произведения, но документальный, автобиографический контекст, задаваемый в «Объяснениях», выполняет не просто комментаторскую функцию. Демонстрируя многоплановость художественной структуры произведения, документальный план становится органичным продолжением поэтического текста. Факты служебной карьеры следует рассматривать в данном случае как часть творческой истории произведений Державина: повод, провоцирующий поэтическое переживание и осмысление и, как следствие, появление текста, и этот же факт, выступающий в качестве пояснения к поэтическому произведению. Конечно, далеко не все факты служебной биографии провоцируют поэта к созданию стихотворений, а лишь те, которые по какой-либо причине особо впечатлили его, то есть факты и события исключительные. Пониманию этого способствует в том числе и сопоставление «Объяснений» с «Записками».

В соответствии с поставленными задачами **выводы** нашего исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1. «Объяснения на сочинения» Державина, имея точки пересечения с его мемуарными «Записками», обладают не меньшей степенью автобиографизма и могут быть отнесены к произведениям мемуарного жанра.
2. Объектом авторефлексии в «Записках» и в «Объяснениях» оказываются разные стороны личности Державина. В первом случае это личность биографическая (бытовая, гражданская, политическая), декларирующая себя как идеального подданного, безупречно исполняющего свои гражданские и государственные должности. Во втором случае перед нами личность поэтическая, воплощенная в произведениях.
3. События служебной биографии в «Объяснениях» играют роль комментария к поэтическим произведениям, а последние, в свою очередь, в «Записках» становятся неотъемлемой частью самопрезентации Державина как честного сановника и «полезного сына отчества».
4. Проводить абсолютный водораздел между «Записками» и «Объяснениями» нам представляется не вполне оправданным, равно как и стремиться разграничить служебную и творческую биографии Державина. Назвав себя «отставным поэтом» в стихотворении «Привратнику», он декларировал нераздельность «политического» и «поэтического» в своей биографии.

Направление дальнейшего исследования заявленной в статье проблематики предполагает системное изучение историко-биографического контекста творчества и последовательный анализ специфики мемуарного самоописания Державина.

Список источников

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII-XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
2. Грот Я. К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1993. 686 с.
3. Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г. Р. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1984. С. 23-246.
4. Державин Г. Р. Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся // Державин Г. Р. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1984. С. 247-272.
5. Клейн И. Мудрость Горация и автобиографический принцип в лирике Державина (стихотворение «На умеренность») // XVIII век: сб. ст. и материалов. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 221-237.

6. **Клейн И.** Поэт-самохвал: «Памятник» Державина и статус поэта в русской культуре XVIII века // Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 498-520.
7. **Коптева Э. И.** Эпическое и автобиографическое в «Записках» (1743-1812) Г. Р. Державина // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 4 (22). С. 47-51.
8. **Лаппо-Данилевский К. Ю.** К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» (1789) // XVIII век: сб. ст. и материалов. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 203-220.
9. **Мельников В. С.** Авторский комментарий и его художественная функция в произведениях русских писателей XVIII-XX вв.: автореф. дис. ... к. филол. н. Волгоград, 1995. 20 с.
10. **Панченко А. М.** Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII-XVIII веков // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава – М.: Наука, 1973. С. 225-238.
11. **Проскурина В. Ю.** Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
12. **Рейтблат А. И.** К проблеме профессионализации русских литераторов: литературные «ниши» в первой половине XIX века // Чины и музы: сб. ст. СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 9-26.
13. **Серман И. З.** Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 328 с.
14. **Фарафонова О. А.** Воспоминания о государственной службе как автокомментарий («Записки» и «Объяснения на сочинения» Г. Р. Державина) // Чины и музы (писатели на государственной службе): тезисы докладов на междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во Марины Батасовой, 2016. С. 92-94.
15. **Филиппова Е. М.** Международная научная конференция «Чины и музы (писатели на государственной службе)» // Русская литература. 2017. № 3. С. 266-270.
16. **Фоменко И. Ю.** Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век: сб. ст. и материалов. Л.: Наука, 1983. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 143-164.
17. **Чумаков Ю. Н.** Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр в Санкт-Петербурге, 1999. С. 40-51.

“Official Duties” vs “Creative Work” in G. R. Derzhavin’s Autobiographical Texts

Farafonova Oksana Antolievna, PhD
Novosibirsk State Pedagogical University
oxana.faroks@yandex.ru

The article is written within fundamental problematics of literary criticism – the researcher considers correlation of the writer’s biography and creative work. The objective includes analysing G. R. Derzhavin’s autobiographical texts with a view to identify the place and role of the opposition “official duties – creative work” in self-identification of one of the leading poets of the XVIII century. Scientific originality of the study lies in the fact that G. R. Derzhavin’s “Memoirs” and “Explanations to Derzhavin’s Works” are for the first time analysed through the lenses of poetical and biographical self-reflexion and its role in the poet’s self-identification. The following conclusions are justified: the works under study have much in common, which indicates inseparability and homogeneity of civilian and creative elements in the poet’s creative and civil consciousness.

Key words and phrases: G. R. Derzhavin; autobiography; memoirs; opposition “official duties – creative work”.